

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
---------------------	---

I. О людях и репутациях

«Человек острого ума сказал...»: Жозеф де Местр как мастер светской беседы	8
Пушкин и Стендаль: границы темы	28
Пушкин и Виктор Гюго: мстительный перевод из «Кромвеля» и «львиный рев» Мирабо	34
Еще один источник «Сирано де Бержерака» Эдмона Ростана	49

II. О словах и фразах

«Адольф» Бенжамена Констан в трактовке П. А. Вяземского и А. С. Пушкина: «сын века» и «метафизический язык»	60
«Литературная приязнь» во Франции и в России: <i>camaraderie littéraire</i> и «знаменитые друзья»	75
<i>Анри де Латуш. О литературной приязни</i>	91
«Порода в женщинах» и «Юная Франция»: попытка комментария	105
«Спасаем кассу»: крылатое слово одного литературного персонажа-авантюриста	118
При чем тут Кондильяк? Комментарий к одной фразе из романа Тургенева «Отцы и дети»	134

III. О переводах и переходах

Какого Бальзака мы читаем? Удачи и потери в «классических» переводах «Человеческой комедии»	142
Переходы с русского на французский в переписке русских литераторов первой половины XIX века: объяснимо или нет?	166
Список цитируемой литературы	190
Список первых публикаций	206
Указатель имен	207

ОТ АВТОРА

Одиннадцать статей, включенных в эту книгу, объединены не только предметом рассмотрения — русская и французская литература XIX века. Герои статей — авторы по преимуществу очень известные: Пушкин, Лермонтов, Вяземский, И. С. Тургенев; Гюго, Стендаль, Бальзак, Ростан. Но анализ приводит всякий раз к неожиданным результатам: выясняется, что Пушкин и Вяземский понимали роман Бенжамена Констан «Адольф» не совсем так или даже совсем не так, как их французские современники; что Пушкин относился к двум писателям, которые сейчас считаются «мэтрами» французской словесности: Стендалю и Виктору Гюго, — с пренебрежением и даже неприязнью; что сардинский посол в России и религиозный мыслитель Жозеф де Местр вовсе не был таким светским говоруном, каким его принято считать, а в «героической комедии» Ростана прячется воспоминание об иронической новелле Шарля Нодье. В случае же с Бальзаком неожиданность заключается в том, что «канонические» русские переводы в некоторых случаях сообщают нам не совсем то или даже совсем не то, что написано в оригинале.

Заглавия нескольких статей кончаются знаком вопроса. В принципе вопросительную форму можно было бы придать всем одиннадцати статьям, потому что импульсом к написанию каждой было желание разгадать некую загадку: почему Иван Сергеевич Тургенев утверждал, что государственные мужи, желая понравиться набожной католичке, читали философа-сенсуалиста? Какую «юную Францию» имел в виду Лермонтов, когда рассуждал в «Тамани»

о «породе в женщинах»? С какой целью французский переводчик «Капитала» вставил в текст отсебятину, которой нет и не было в немецком оригинале? Имеются ли русские параллели у чрезвычайно популярного во французской литературной критике понятия «литературная приязнь»? Всегда ли можно объяснить, зачем русские дворяне в начале XIX века переходили в разговоре или в письмах с русского на французский?

Ответы на эти и многие другие вопросы читатель найдет в предлагаемом сборнике.

Книга состоит из трех разделов: «О людях и репутациях», «О словах и фразах», «О переводах и переходах», но во всех статьях речь идет по большому счету об одном и том же — о том, как люди распоряжаются своими и чужими словами, о том, как строят из них тексты и репутации.

Я посвящаю эту книгу моему мужу Борису Ароновичу Кацу — и не только потому, что он подсказал мне ее название.